

Личная конституция Татьяны Ножкиной

Про силу мягкости, про друзей и ценность общения, про меру надежды в работе адвоката и про то, что заставляет каждое утро просыпаться и бороться за доверителей.

39

Юристом быть не мечтала. Я хотела стать врачом, как бабушка, — все думали, что я пойду по ее стопам. Но жизнь внесла свои коррективы. Я больше гуманитарий: в старших классах поняла, что вряд ли смогу поступить в медицинский институт.

Профессию мне выбрало время. Поступление в университет выпало на 90-е, тогда страна остро нуждалась в экономистах и юристах — эти профессии открывали хорошую перспективу для зарабатывания денег. С папой были серьезные разговоры на эту тему — хотя мне хотелось заниматься если не медициной, то языками, филологией, историей.

Родители познакомились в школе и до сих пор вместе. Такой пример перед глазами зарядил желанием создать семью, наладить личную жизнь. Сейчас я вообще не понимаю, как это возможно: в моей жизни получилось все иначе, поэтому я строила карьеру. Воплотить в жизнь родительскую модель семьи мне, к сожалению, не удалось.

В МГУ решила поступать исключительно из романтических побуждений. Мне очень нравилось его главное здание на Воробьевых горах. Но меня ждал сюрприз — гуманитарии учились в другом корпусе, увы, не таком красивом. Родители меня отговаривали: «Без связей вообще невозможно туда попасть. Тебе придется очень много учиться, и разочарований будет не меньше». Но я была настроена решительно.

Первый год на юрфаке я не понимала, что я буду делать. В итоге я выбрала своей специализацией коммерческое право, присматривалась

к банковскому праву. Про уголовное речи вообще не шло — я сама о нем не думала, да и родители не видели меня адвокатом по уголовным делам. На пятом курсе я много куда подавала резюме, но с вариантами получить работу было сложно. Искала путь наобум: в семье не было юристов, некому было дать совет, в каком направлении лучше двигаться.

Но мне повезло: я пришла в бюро «Падва и партнеры». Меня собеседовал сам Генрих Павлович, присутствовали и Элеонора, и Владимир Сергеевы. Я им понравилась — и меня приняли практически сразу после университета. Это была хорошая школа: в работе я попробовала всего по чуть-чуть, но настоящим открытием для меня стало уголовное право — столько креатива нужно, оказывается, проявить, чтобы продумать стратегию и тактику позиции, выискивать слабые места следствия, собирать доказательства... Все казалось очень увлекательным. Хотя работать приходилось очень много.

Смотрю на молодежь и вижу, что для них все по-другому. Я не могла представить себе, чтобы уйти раньше Генриха Павловича с работы. Такое в голове даже не укладывалось. Я была готова к работе по любому зову: выходные — не выходные, ночь — не ночь. Всегда «под козырек», всегда на месте. А сейчас молодые люди приходят в профессию уже с амбициями: им нужны интересные резонансные дела, чтобы сразу стать самостоятельными. Я же, например, до сих пор готова учиться у своих коллег и не стыжусь этого.

С профессией мы долго уживались. Она очень тяжелая в моральном аспекте. Особенно

Татьяна Ножкина

Адвокат, управляющий партнер Адвокатского бюро ZKS

Более 24 лет защищает собственников и руководителей бизнеса в ситуации уголовного преследования. Представляет интересы международных компаний при вмешательстве в их работу правоохранительных органов. Консультирует по вопросам внутренних расследований правонарушений и преступлений внутри компаний (комплаенс)

Признана ведущим адвокатом по уголовным делам международными рейтингами The Legal 500 и Best Lawyers, индивидуальным рейтингом «Право.ru-300»

сложно в ней женщине: традиционно адвокат, особенно по уголовным делам, всем представляется мужчиной, серьезным и важным. Женщина-адвокат часто сталкивается с недоверием к ее компетенциям или способностям. У меня много было разного опыта: и маленьких, «обычных» дел, и больших — резонансных. С опытом и пришло то, что я называю «силой мягкости»: ты умеешь чутко подать совет и преподнести информацию так, чтобы человек сам принимал решения — и все, тебя начинают слушать. Потому что доверяют.

До сих пор я все пропускаю через себя.

Психологически это очень истощает. Особенно когда ты знаешь, как работает система, и всячески пытаешься помочь, но понимаешь, что в какой-то момент от тебя уже мало что зависит. Но ничем другим я заниматься не буду. Не хочу. Если я уйду из этой профессии, то скорее всего на пенсию.

Человек понимает, что ты его единственная надежда.

Это особая связь. И это очень ценно — видеть отдачу от такого человека. Конечно, бывают случаи, когда тебя начинают обвинять в ошибках, если что-то пошло не так. Для меня это редкость, но бывало. В основном люди видят все и ценят твою работу. А ты понимаешь, что даже психологическая помощь в этот момент для человека очень важна.

Я всегда себя уговариваю: если не мы,

то кто? Один мой подзащитный, высокопоставленный генерал, понимал, что обвинительного приговора не избежать. Но он всегда говорил мне: «Танечка, мне важно, чтобы я выглядел достойно — в глазах судьи, прокурора, обвинения. Это для меня

самое важное. Поэтому мы должны собрать максимум доказательств моей невиновности». Такие истории показывают, что наша работа — не «сизифов труд», даже если мы не выигрываем. Но, невзирая на неудачи, все равно утром нужно вставать и идти доказывать, что есть верховенство права. Работать на восстановление баланса в системе.

Мне нравится разрабатывать позицию.

Это самое интересное для меня. Мне интересно вырабатывать стратегию, общаться с процессуальными оппонентами, пытаться доказать правоту. Но я должна признать, что, к сожалению, меняется и уровень образования, и качество работы следователей, прокуратуры. Система так себя «выстроила», что уже даже не нужно особых уловок и качества доказывания, чтобы довести дело до обвинительного приговора.

Сложные решения были.

Я личность вдумчивая и сомневающаяся. Я понимаю, что в моих руках находится судьба человека. При этом решения принимаю не я — решения принимает доверитель. Мы можем его только направить в ту или иную сторону — и мы этим себя, безусловно, успокаиваем. Но от совета или рекомендации зависит очень многое. В том числе и решение, которое примет доверитель. Поэтому это всегда страшно. Мне — до сих пор. У меня всегда есть сомнения в решениях — пока их не развеет положительный исход дела.

Все допускают ошибки.

В профессиональной деятельности в том числе. К истине всегда приходишь методом проб и ошибок. Я уверена, что тоже допускала ошибки. Просто не помню, чтобы это фатально отразилось на результате.

Я не предаю никогда. Другой мой профессиональный принцип — я не буду работать ради показухи, создавать видимость. Знаете, как иногда адвокаты предпринимают некие эффектные действия — например, ведут себя агрессивно со следователем для того, чтобы показать доверителю свой «профессионализм». Это безответственно: нет никакой гарантии, что эта ссора рикошетом не ударит по доверителю. Эффектно не равно эффективно. У меня много споров возникает по этому поводу, когда коллеги упрекают меня в мягкости. Но в мягкости есть своя сила — и в соединении с упорством она дает правильный результат.

Не создаю себе кумиров — ищу учителей.

Мне посчастливилось работать с Генрихом Павловичем Падвой и другими адвокатами его бюро. Они все профессионалы очень высокого уровня, и, конечно, я всегда буду ценить эту школу. Много еще есть людей, которые дали мне ценный опыт в жизни. Очень люблю своих коллег из ZKS и рада, что работаю с ними вместе. У них я тоже многому учусь — несмотря на то, что они моложе меня.

Я не очерствела от профессии. Думаю, важно, чтобы люди видели, что ты не делаешь работу автоматически — за деньги или славу. Они должны понимать, что ты действительно хочешь помочь. Когда была студенткой, я ходила на собеседование к одному адвокату вместе с мамой. После собеседования он ей заявил: «Зачем вашей девочке такая жесткая профессия? Она в какой-то момент станет стервой. Для девушки это очень плохо». Мама мне до сих пор эту историю припоминает. Но мне кажется, меня все-таки не постигла эта участь.

Надежду людям надо подавать, но в меру.

Все время приходится лавировать между тем, чтобы не убить надежду и не дать ее в излишних, «усыпляющих» дозах. Бывают очень чувствительные доверители, с ними я стараюсь обходить острые углы и напрямую им не скажу: «Все плохо. Ничего хорошего не ждет». Юристы порой как врачи — должны «поставить диагноз» и не давать ложную надежду. С другой стороны, надо понимать, что в отсутствие надежды у человека просто опустятся руки и у него не останется ни сил, ни желания продолжать борьбу.

Я бы хотела читать мысли. С детства люблю наблюдать за людьми. Когда постоянно ездила на метро в университет, на ботинки почему-то смотрела. Едешь — и по ботинкам пытаешься себе нарисовать образ человека: кто он, что он, какой характер. Всегда интересно, о чем человек думает. Читать мысли — конечно, суперспособность. Но у каждого такого «дара» есть обратная сторона. И, пожалуй, иногда лучше жить в счастливом неведении.

Одно время я вышивала. Это, кстати, непростая история: вроде бы сам процесс тебя успокаивает, но, если ты где-то ошибешься, придется все это распускать и начинать заново. Прямо как в работе: строишь позицию, все получается логично и правильно — и вдруг в какой-то момент появляется новый документ или информация, которые рушат всю эту конструкцию, как картонный домик.

К деньгам стараюсь относиться легко. Слушавлю, если скажу, что они для меня неважны. Деньги нужны, чтобы чувствовать себя комфортно и быть свободной. Но я не готова пойти на все ради денег. При этом для меня очень важно иметь финансовую подушку. Известно, что многие женщины склонны на последние деньги купить красивую сумку. А у меня начинается паника, если я понимаю, что должна влезть в свой «неприкосновенный запас».

Моя формула счастья в том, чтобы найти в жизни баланс.

Мы всегда стремимся к некоей золотой середине, которую невозможно достичь. Всегда чего-то больше: либо карьеры, либо семьи. И хотелось бы достичь баланса, чтобы я чувствовала себя спокойно, зная, что у меня есть стена за спиной и плечо, на которое я могу опереться.

Общение — самое ценное. Пандемия закрыла нас по домам — и вышли мы из нее уже с тенденцией перехода всего и вся в онлайн. Мы все устали от изоляции, а для меня это особенно грустно. Я человек того времени, когда люди встречались, чтобы поговорить. Живое общение ничто не заменит — ты видишь глаза человека, ловишь весь спектр эмоций. Встретился, особенно если человек приятный, поговорил — и ты оживаешь. Очень важно встречаться, разговаривать и поддерживать друг друга. ♦